

ДРЕНАЙ

ДРЕНАЙ

ДЭВИД ГЕММЕЛ

ЛЕГЕНДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44
ГЗЗ

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

David Gemmell
LEGEND

Перевод с английского *Н. Виленской*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Геммел, Дэвид.

ГЗЗ Легенда : [фантастический роман] / Дэвид Геммел; пер. с англ. Н. Виленской. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-101310-3

Друсс, величайший воин Дренайской империи, легендарный защитник Дросс-Дельноха от кочевников и разбойных отрядов. Кто он — символ бесстрашия и справедливости, полубог или... обычный человек, со своими слабостями и тайнами?

Первый из романов о Друссе, созданный Королем Героического Фэнтези, заставляет читателя вспомнить о Конане-варваре, короле Кулле, Тонгоре из Лемурии. Но если любой из этих фэнтези-героев вполне пародируем, то Друсс — никогда. Слишком много в нем человеческого. Ведь легендой может стать только человек...

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44

© David A. Gemmell, 1984
© Перевод. Н. Виленская, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Эта книга посвящается с любовью трем совершенно особым людям:

моему отцу Биллу Вудфорду, без которого Друсс-Легенда никогда бы не вышел на стены Дрос-Дельноха;

моей матери Олив, привившей мне любовь к историям, где герои никогда не лгут, зло торжествует редко, а любовь всегда настоящая;

моей жене Валери, доказавшей мне, что так бывает и в жизни.

ПРОЛОГ

Дренайский посол с беспокойством ждал за огромными дверьми тронного зала. По обе стороны от него застыли двое надирских часовых, глядя прямо перед собой, уставив раскосые глаза в бронзового орла на темном дереве.

Посол облизнул сухие губы и поправил пурпурную мантию на тощих плечах. Где то спокойствие, с которым он в Дренайском зале совета, в шестистах милях к югу отсюда, принял поручение Абалаина: отправиться в далекий Гульготир и утвердить договор, заключенный с Ульриком, верховным вождем надирских племен? Бартеллию и раньше доводилось заключать договоры — он ездил для этого и в западную Вагрию, и в южный Машрапур. Все народы понимают, сколь полезна торговля и сколь дорого обходятся войны. Ульрик тоже не исключение. Да, он предал огню и мечу обитателей северной равнины — но ведь и те многие века терзали его народ поборами и набегами: они сами посеяли разметающую их бурю.

Дренаи же всегда обходились с надирами достойно и учтиво. Сам Абалаин дважды посещал Ульрика в его стане и бывал принят с королевскими почестями.

Но то, что предстало перед Бартеллием в Гульготире, потрясло его. Не то было удивительно, что громадные ворота разнесли в щепки, хуже было то, что не менее пла-

чевная участь постигла и защитников города. На замковой площади возвышался курган из отрубленных человеческих рук. Бартеллий, содрогнувшись, отогнал от себя это воспоминание.

Он ждал приема уже три дня, хотя обращались с ним вполне вежливо.

Бартеллий снова поправил плащ, сознавая, что посольские регалии выглядят не слишком внушительно на его худой, угловатой фигуре. Достав из-за пояса полотняный платок, он вытер вспотевшую лысину. Жена не раз говорила Бартеллию, что, когда он волнуется, плешь у него блестит как надраенная. Он предпочел бы этого не знать.

Подавляя дрожь, он покосился на правого часового — пониже его ростом, в остроконечном шлеме с оторочкой из козьей шкуры. Воин, облаченный в деревянный, покрытый лаком панцирь, держал в руке зазубренное копье. Плоское жестокое лицо, темные раскосые глаза. Если бы Бартеллию понадобился кто-то, чтобы отрубить человеку руку...

Бартеллий покосился налево — и тут же пожалел об этом, ибо левый часовой тоже смотрел на него. Чувствуя себя как заяц, на которого падает ястреб, посол поспешно перевел взор к орлу на двери.

И в это мгновение дверь, к счастью, распахнулась.

Бартеллий, сделав глубокий вдох, шагнул внутрь.

Зал был длинным, и двадцать мраморных колонн подпирали его расписанный фресками потолок. На каждой колонне полыхал факел, отбрасывая на стены гигантские пляшущие тени, и под каждым факелом стоял надирский страж с копьем. Глядя прямо перед собой, Бартеллий прошел пятьдесят шагов до трона на мраморном помосте.

На троне сидел Ульрик, Покоритель Севера.

Ростом Ульрик был невысок, но от него исходило поражавшее Бартеллия ощущение силы и власти. Широкоскулый, черноволосый и раскосый, как все надирцы, он имел, однако, необычайного цвета лиловые глаза. Расчесанная натрое борода придавала смуглому лицу демони-

ческое выражение, смягчаемое, впрочем, вполне человеческой улыбкой.

Но более всего изумило Бартеллия белое дренайское одеяние с вышитым фамильным гербом Абалаина: золотой конь, вставший на дыбы над серебряной короной.

Посол отвесил низкий поклон:

— Мой господин, я привез вам привет от Абалаина, избранного предводителя свободных дренаев.

Ульрик в ответ кивнул и велел послу продолжать.

— Мой предводитель Абалаин поздравляет вас с великолепной победой, одержанной над гульготирскими мятежниками, и надеется, что теперь, когда ужасы войны остались позади, вы соблаговолите вернуться к тем договорам и торговым соглашениям, которые обсуждали с ним во время его незабываемого визита к вам прошлой весной. У меня с собой письмо от правителя Абалаина, а также упомянутые договоры и соглашения.

Бартеллий ступил вперед и предъявил Ульрику три свитка. Тот принял их и опустил на пол рядом с тронном.

— Благодарю, Бартеллий. Скажи-ка — дренаи вправду боятся, что я двину войско на Дрос-Дельнох?

— Вы шутите, мой господин?

— Вовсе нет, — невозмутимо ответил Ульрик звучным басом. — Купцы доносят мне о великом смущении в Дренане.

— Это лишь досужие толки. Я сам помогал составлять договоры и был бы счастлив объяснить вам наиболее сложные места, буде в том возникнет нужда.

— Нет, я уверен, что они составлены как надо, однако мой шаман Носта-хан все-таки должен посмотреть, что они сулят нам. Я знаю, это дикарский обычай, но ты ведь поймешь нас, правда?

— Разумеется. У всякого народа свои обычаи, — отвечал Бартеллий.

Ульрик дважды хлопнул в ладоши, и из мрака слева от трона появился костлявый сморщенный старикан, одетый

в грязную козью шкуру. В одной руке он держал белую курицу, в другой — широкую плоскую деревянную чашу.

Ульрик встал и принял от шамана курицу. Он медленно поднял птицу над головой и на глазах у застывшего в ужасе Бартеллия перекусил ей шею. Курица отчаянно забила крыльями, и кровь оросила белую одежду вождя. Ульрик держал содрогающееся тело над чашей, выпуская из птицы последние капли жизни. Дождавшись конца, Носта-хан поднес чашу к губам, посмотрел на Ульрика и покачал головой.

Вождь отшвырнул птицу и медленно снял с себя белую одежду. Под ней открылся черный панцирь, на поясе — меч. Ульрик взял из-за трона боевой шлем из вороненой стали, отороченный мехом черно-бурой лисицы, и надел его на голову. Отерев дренайским одеянием измазанный кровью рот, он швырнул Бартеллию скомканную ткань.

Посол воззрился на окровавленное полотно у своих ног.

— Боюсь, что предзнаменования неблагоприятны, — произнес Ульрик.

ГЛАВА 1

Рек напился. «Не то чтобы всерьез, но в самый раз, чтобы ни к чему всерьез не относиться», — думал он, глядя в хрустальный кубок, откуда бросало кровавые тени рубиновое вино. Огонь очага грел спину, и дым ел глаза, примешиваясь к запаху немытых тел, стынувшей еды и намокшей одежды. Пламя в фонаре заплясало — в комнату ворвался порыв ледяного ветра. Кто-то вошел, захлопнул дверь и извинился, что напустил холода.

Прерванные было разговоры возобновились, разом забубнила дюжина голосов. Рек пригубил вино и содрогнулся, услышав чей-то смех, — этот звук пробрал его холодом не хуже зимнего ветра, бушевавшего за деревянными стенами. Точно кто-то прошел по его могиле. Он поплотнее запахнул свой синий плащ. Можно было не слушать, о чем говорят, — он и так это знал: тут уже много дней толковали об одном.

О войне.

Такое короткое слово — и сколько всего в нем заключено. Кровь, смерть, сеча, голод, ужас, чума.

Снова грянул смех. Кто-то взревел:

— Несчастные варвары! Легкая пожива для дренайских копий.

Ему ответили новые раскаты смеха.

Рек разглядывал хрустальный кубок — такой красивый, такой хрупкий. Изваянный с заботой, даже с любовью,

тонкий и изысканный, словно осенняя паутинка. Рек поднес кубок к лицу — в нем отразилась сразу дюжина глаз, и в каждом читалось обвинение.

На миг Реку захотелось грохнуть кубком об пол и разбить его вместе с обвиняющими глазами. Но он этого не сделал. Не такой уж я дурак, сказал он себе. Пока еще нет.

Хореб, трактирщик, вытер толстые пальцы полотенцем и обвел усталым, но настороженным взглядом зал. Ссору не обязательно останавливать окриком и кулаком — вначале бывает достаточно слова и улыбки.

Война.

Почему даже приближение ее низводит человека до зверя? Хоребу были хорошо известны почти все посетители. Семейные люди, крестьяне, купцы, ремесленники. Мирные, надежные, добрые в большинстве своем мужики. И вот они сидят, толкуя о смерти и о славе, готовые уничтожить любого, кого заподозрят в сочувствии к надирам. Стоит только послушать, с каким презрением они выговаривают самое это слово — «надиры».

«Но скоро они прозреют», — печально думал Хореб. И как еще прозреют! Хозяин поглядел на дочек, разносящих кружки и вытирающих столы, и в глазах его зажегся теплый огонек. Крошка Дори, вспыхнувшая под своими веснушками от чьей-то вольной шутки; Беса — вылитая мать, высокая и белокурая; толстушка Несса — всеобщая любимица, просватанная за Норваса, пекарского подмастерья. Хорошие девчухи, радость, посланная ему судьбой. Взгляд Хореба упал на высокую фигуру в синем плаще, сидящую у окна.

— Чтoб тебе, Рек, опять ты за свое, — пробормотал Хореб себе под нос. Он выругался, снял свой кожаный передник, взял наполовину полный кувшин с пивом, кружку — подумал — и достал из шкапчика бутылку крепкого вина, которую берег на свадьбу Нессы.

— Поделись бедой — и она увеличится вдвое, — сказал он, усаживаясь напротив Река.

— Одна голова плоха, а две еще хуже, — отвечал Рек, наполняя свой бокал хозяйским вином. — Знал я одного полководца, — продолжал он, вертя своими длинными пальцами бокал и наблюдая, как играет вино. — Он ни одного сражения не выиграл и ни одного не проиграл.

— Как так?

— Ты ведь знаешь ответ. Я тебе уже рассказывал.

— У меня плохая память. И потом, я люблю слушать твои истории. Как это возможно — не проиграть и не выиграть?

— А он сдавался при первой же опасности. Умно, правда?

— Как могли солдаты подчиняться ему, если он никогда не побеждал?

— Так ведь он и побежденным не бывал — а стало быть, и они тоже.

— А ты бы пошел за таким?

— Ни за кем я больше не пойду — а уж за воеводой и подавно. — Рек повернул голову, прислушиваясь к разговорам вокруг, и даже глаза прикрыл. — Послушай-ка их. Послушай, как они толкуют о ратных подвигах.

— Откуда им знать, друг мой Рек? Они этого не нюхали и на язык не пробовали. Не видели, как воронье, кружа черной тучей над полем битвы, выклевывает глаза мертвецам, как лисицы выдирают жилы, как черви...

— Замолчи, будь ты проклят! Мне напоминать не надо. И будь я проклят тоже, если пойду. Когда у Нессы свадьба?

— Через три дня. Он хороший парень, заботливый. Всё плюшки ей таскает. Скоро она будет как бочка.

— Не от плюшек, так от чего другого, — подмигнул Рек.

— Да уж, — широко усмехнулся Хореб. Они сидели вдвоем среди накатывающего волной шума, молча и задумчиво попивали свое вино. Потом Рек подался вперед.

— Первый удар они нанесут по Дрос-Дельноху. Известно тебе, что там всего десять тысяч человек?

— Насколько я слышал, еще меньше. Абалаин только и знал, что урезывать регулярные войска, довольствуясь ополчением. Однако там шесть высоких стен и крепкий замок. Да и Дельнар не дурак — он сражался при Скельне.

— Да ну? Это там, что ли, один воин вышел против десяти тысяч, швыряя горы в супостата?

— Сага о Друссе Легендарном, — понизил голос Хорреб. — Сказка о великане, в чьих глазах была смерть и чей топор наводил ужас. Собирайтесь в кружок, детки, и берегитесь темноты, где таится зло, покуда я рассказываю.

— Паршивец этакий. Как ты пугал меня в детстве. Ты ведь знал его — Друсса?

— Давным-давно. Говорят, будто он умер. А если и жив, то ему уже за шестьдесят. Мы бились вместе в трех сражениях, но я только дважды говорил с ним. И лишь однажды видел его в деле.

— И что, хорош он был?

— Страсть и вспомнить. Это было как раз перед Скельным и поражением Бессмертных — так, переделка. Да, он был очень хорош.

— Неважный из тебя рассказчик, Хорреб.

— Ты хочешь, чтобы я, как эти дурни, без устали молел о войне, смерти и резне?

— Нет, — покачал головой Рек, допив вино. — Нет, не хочу. Ты ж меня знаешь.

— Знаю достаточно, чтобы любить тебя, хотя...

— Хотя что?

— Хотя ты сам себя не любишь.

— Неправда. — Рек снова наполнил свой бокал. — Я себя очень даже люблю. Просто знаю себя лучше, чем других.

— Порой мне думается, Рек, что ты чересчур требователен к себе.

— Ну нет. Нет. Я требую очень немногого. Я ведь знаю свою слабость.

— Странное дело. Чуть ли не каждый человек уверяет, будто знает, в чем его слабость. А спросишь его, он скажет: я, мол, слишком щедр. Ну а твоя слабость в чем? Давай выкладывай — трактирщики для того и существуют.

— Ну, во-первых, я слишком щедр — особенно с трактирщиками.

Хороб улыбнулся, покачал головой и умолк.

«Слишком умен для героя и слишком подвержен страху для труса», — подумал он, глядя, как его друг осушил кубок и поднес его к лицу, вглядываясь в свое раздробленное отражение. Хоробу показалось, что Рек сейчас разобьет хрусталь — таким гневом загорелось его лицо.

Но молодой человек осторожно поставил кубок на стол.

— Я не дурак, — тихо сказал он и замер, поняв, что произнес это вслух. — Проклятие! Разобрало-таки.

— Давай-ка я провожу тебя в твою комнату.

— А свеча там горит? — покачиваясь на сиденье, спросил Рек.

— Ну конечно.

— Ты ведь не дашь ей погаснуть, нет? Не люблю я темноту. Не то чтобы боюсь, ты ведь меня знаешь, — просто не люблю.

— Я не дам ей погаснуть, Рек. Положись на меня.

— Я полагаюсь. Я ведь спас тебя, верно? Помнишь?

— Помню. Дай-ка руку. Я провожу тебя к лестнице. Вот сюда. Давай переставляй ноги. Вот так, хорошо!

— Я не колебался. Кинулся в бой с поднятым мечом, верно?

— Верно.

— Нет, неверно. Я стоял минуты две и трясся. И тебя ранили.

— Но ты все-таки пришел мне на выручку, Рек. Разве ты не понимаешь? Рана — пустяки. Главное — ты меня все-таки спас.

— Для меня это не пустяки. Горит в моей комнате свеча?